

«БЕЛАЯ ВЕВЕРИЦА ОТ ДЫМА»: К ВОПРОСУ О ПРЕДЫСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЛОГОВО-ДАННИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Анализируется летописное известие о наиболее раннем упоминании выплаты дани восточными славянами. В центре внимания находятся проблемы определения размера дани и характера окладной единицы. Обстоятельно рассмотрены разночтения письменных источников о дани пушными зверьками – белками. Делается вывод о вероятности присутствия в летописном сообщении литературного приема, не позволяющего буквально понимать его как сбор дани шкурками зверьков.

The author analyzes the annalistic news about the earliest mention of payment of a tribute by east Slavs. The article focuses on the problems of definition of the tribute size and the character of an assessed unit. The author gives a detailed consideration to different interpretations of written sources on a tribute with small fur animals (squirrels). It makes a conclusion about the probability of presence of a literary device in the annalistic message which doesn't allow to understand it literally as gathering the tribute by skins of small animals.

Среди первых известий древнейших летописных памятников содержится рассказ о взимании дани варягами и хазарами с ряда восточнославянских и финно-угорских племен. Под условным 859 г. автор «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) поместил следующее сообщение: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенех, на мери и на всехъ, кривичехъ. А козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичехъ, имаху по беле и веверице от дыма»¹.

Не приходится сомневаться в огромной ценности приведенного сообщения для реконструкции древнейшей истории восточных славян в целом и развития одного из важнейших политических институтов – налоговой системы в частности. Раннесредневековый период истории восточноевропейского региона крайне беден дошедшими до наших дней письменными источниками. При этом безусловный приоритет по степени информативности принадлежит древнерусским летописям. Появление новых исследований по истории Древней Руси, основывающихся на информации летописей, на разночтении различных летописных сводов, редакций и списков, показывает, что они еще далеко не исчерпали свой познавательный потенциал. Несмотря на многочисленные исследования летописных текстов, разностороннее и полное использование сообщений летописей при анализе различных сторон жизни древнерусского общества, все еще можно обнаружить новые грани давно известных сообщений, некие «тематические ключи»² и информационные коды. Представляется, что в этом отношении значительные перспективы обнаруживаются при изучении встречающихся в летописных памятниках примеров становления даннических отношений среди восточных славян в период, непосредственно предшествующий складыванию Древнерусского государства.

Согласно А.А. Шахматову, сообщение о сборе дани «белыми веверицами» присутствовало в Начальном своде 1090-х гг. и в реконструируемом ученым гипотетическом Древнейшем Киевском своде 1039 г. Однако в реконструкции ведущего российского знатока летописей отсутствует чрезвычайно важное указание на выплату дани восточнославянскими союзами племен хазарам: «Въ си же времена Словене и Кривичи и Меря дань даяху Варягомъ отъ мужа по белеи

веверици...»³ Такому варианту гипотетический текст Древнейшего свода обязан сообщению Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛ), в которой, по мнению А.А. Шахматова (а вслед за ним и большинства исследователей древнерусского летописания), представлен Начальный свод 1095 г. В НПЛ интересующее нас сообщение выглядит следующим образом: «Во времена же Киева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своим родомъ владыше; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягомъ от мужа по белеи веверици...»⁴

Текстологическая реконструкция А.А. Шахматовым Древнейшего свода не признается современными исследователями, хотя и не отвергается возможность существования летописного свода, предшествующего Начальному своду⁵. Более того, в последнее время подвергается сомнению и использование при составлении НПЛ Начального свода⁶. Это и другие соображения заставляют отдать предпочтение при изучении проблемы становления налогово-даннической системы в Древней Руси информации ПВЛ.

Представляется, что именно процитированное сообщение ПВЛ наиболее полно и адекватно отражает геополитическую ситуацию в восточнославянском регионе накануне образования Древнерусского государства. Территория расселения восточных славян оказалась разделенной на две «сферы влияния»: север контролировали скандинавы-варяги, юг – хазары. Граница между подконтрольными областями проходила в бассейне Оки. Дань варягам платили словене, кривичи, а также соседние неславянские племена – чудь, меря и, возможно, весь. Поляне, северяне и вятичи подчинялись хазарам. К более позднему времени относится известие о дани хазарам радимичей. Нет сведений о том, что кому-либо давали дань дреговичи, древляне, волыняне, а также тиверцы и уличи⁷. Дальнейшая логика развития событий вела к столкновению интересов хазар и скандинавов⁸. В этих условиях и под влиянием обозначенных факторов шло формирование основных институтов будущего Древнерусского государства. При этом важнейшее значение имели процессы в самом восточнославянском обществе, заинтересованном в существова-

нии сильной верховной власти, а последняя, в свою очередь, нуждалась в материальном обеспечении.

Важным признаком формирующейся государственности является развитая система распределения ресурсов, строгая система изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя. Налогово-данническая система восточнославянского государства генетически восходит к институтам как внешнего, так и внутреннего происхождения, конкретнее – к *добровольным приношениям* или *дару* членов племенного сообщества вождю, выполнявшему общественно значимые функции, и *дани*, выплачиваемой покоренным племенем более сильному соседу в качестве гарантии от нападения (дань-контрибуция). Понятие «дань» со временем стало обозначать регулярно взимаемый налог⁹. В целом на всей территории формирующегося и развивающегося государства восточных славян с конца IX вплоть до XV–XVI вв. понятие «дань» являлось обобщающим названием натуральных, денежных или денежно-натуральных податей¹⁰.

Внешний путь формирования налоговой системы государства являлся наиболее простым и эффективным. Видимо, таковым он виделся и составителям летописей. Право завоевания сделало возможным наложение Олегом дани на древлян (883), северян (884), радимичей (885)¹¹. При этом «хазарский фактор»¹² оказал определенное влияние на характер отношений Киева с вновь подчиненными союзами племен. В том, что Олег наложил на покоренные племена ту же дань, что они платили ранее хазарам, или «дань легку», видится политическая гибкость князя. В то же время нельзя усматривать в отношениях между Киевом, с одной стороны, и древлянами, северянами и радимичами – с другой, «традиционную форму эксплуатации одной этнической общности другой»¹³. Политическое объединение этнически близких «племен» способствовало их более стабильному развитию: обеспечение безопасности от внешних врагов брала на себя центральная власть.

Приведенное прочтение интересующего нас сообщения ПВЛ является определенной интерпретацией: произведена разбивка летописного текста на слова, расставлены знаки препинания. Различные летописные своды, в начальной своей части содержащие текст ПВЛ, и, главное, тексты Лаврентьевской, Ипатьевской и близких им летописей, послужившие основой для реконструкции самой ПВЛ, позволяют несколько иначе представить сообщение о дани варягам и хазарам. Важнейшее отличие заключается в определении размера подымной дани восточнославянских союзов племен («по беле и веверице»). Представляется, что предпочтительным должен считаться вариант «по белеи веверице».

В свое время С.М. Каштановым была осуществлена систематизация разночтений в летописных сводах сообщения о дани варягам и хазарам¹⁴, что избавляет от необходимости повторно проводить эту трудоемкую работу. Исследователь привел аргументы в пользу вероятности ошибки во фразе ПВЛ «и на всехъ, кривичехъ», в которой должно читаться финно-угорское племя весь. Именно так считал А.А. Шахматов, который предложил следующий вариант данной фразы в своей реконструкции ПВЛ: «...и на Вьси, и на Кривичихъ»¹⁵. Что касается разночтений в летописях о единице обложения, с которой взималась дань, в статье С.М. Каштанова делается важное наблюдение: во всех летописях (за исключением Львовской) указывается на взимание дани хазарами «с дыма». При этом ряд летописей (что весьма показательно, в том числе и НПЛ младшего извода) указывают на взимание дани с северных «племен» только варягами «от мужа». Значительная группа летописей (Новгородская IV, Софийская I, Тверская, Никаноровская, Воскресенская и др.) противопоставляет окладные единицы, с которых взимали дань варяги и хазары: соответственно «от мужа» и «от дыма»¹⁶.

Вопрос о датировке в летописях сообщения о выплате дани чужеземцам (кроме 859 г. встречаются даты 852, 854, 858 гг.)¹⁷ не имеет принципиального значения. Все эти даты, как и в целом датировки наиболее ранних событий в истории Древней Руси, условны.

Наряду с определением окладной единицы важным в реконструкции начального этапа становления налогово-даннической системы в Древней Руси является выяснение размеров варяжской и хазарской дани. В данном случае в источниках имеется множество расхождений, скрупулезно систематизированных С.М. Каштановым. При этом можно отметить, что главное расхождение в размере дани («по беле и веверице» или «по белеи веверице») обусловлено не различиями в источниках, а интерпретацией издательских летописей. Так, в публикации особо ценных для изучения истории Древней Руси летописей – Ипатьевской и Лаврентьевской – соответственно читаем: «...имаху по беле и веверици тако от дыма»¹⁸ и «...имаху по белеи веверице от дыма»¹⁹. В Радзивилловской летописи в интересующем нас фрагменте содержится явная ошибка: вместо «веверици» – «девеци», что выправляется по Московско-Академическому списку («имаху по беле и веверици от дыма»)²⁰. В реконструкции М.Д. Приселковым Троицкой летописи фрагмент о дани хазарам остался неполным: «...на Полянахъ и на Северянехъ и на вятичихъ иммаху по бе... і по веверици от дыма»²¹ (в статье С.М. Каштанова ошибочно: «...имаху по белеи веверице от дыма»). Между тем в примечании Н.М. Карамзина к его «Истории государства Российского» прямо процитирован данный фрагмент из Троиц-

кой летописи: «по беле и по веверице»²². При этом сам историк не сомневался, что «то и другое имя значит одно», и в основном тексте своей «Истории...» писал о дани славян хазарам «по белке с дома»²³.

Таким образом, публикации основных летописных памятников дают возможность двояко воспринимать текст о размере дани. А.А. Шахматов в своей реконструкции ПВЛ выбрал вариант «по беле веверице»²⁴. В издании 1950 г., подготовленном Д.С. Лихачевым и Б.А. Романовым, предпочтение было отдано прочтению «по беле и веверице»²⁵. Этот же вариант сохранился и в последующих изданиях ПВЛ²⁶. Соответственно в переводе на современный русский язык был предложен следующий вариант: «В год 6367. Варяги вимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма»²⁷. Можно заметить, что помимо авторской интерпретации выражения «по беле и веверице» Д.С. Лихачев произвольно отбросил летописную фразу «и на всехъ». Кроме того, была устранена двойственность оригинального летописного сообщения, а именно возможность отнесения дани «по беле и веверице» и к хазарам, и к варягам.

Более поздние летописные своды, сообщения которых о хазарской и варяжской дани были проанализированы С.М. Каштановым, в своем большинстве указывают на одну единицу подымной дани: «по беле вереце от дыма», «по беле с дыма», «по беле векшице от дыма»²⁸. С.М. Каштанов приводит интереснейшие наблюдения о регионах распространения и приуроченности терминов «веверица» и «векша». Поздние летописи создают впечатление, что варяги вимали дань «веверицами», а хазары – «векшами». Вопрос о том, являлось ли такое терминологическое различие (при содержательном и смысловом единстве: веверица=векша=белка) изначальным, С.М. Каштанов оставляет открытым²⁹. Однако, учитывая то обстоятельство, что в наиболее ранних источниках терминологической пестроты не наблюдается, необходимо признать появление иной терминологии (при сохранении прежнего семантического наполнения) интерпретацией поздних летописцев. Именно диалектными особенностями языка местности, в которой работали летописцы, обусловлены терминологические различия анализируемого летописного сообщения. Необходимо также учитывать, что «в позднем средневековье работа с летописями приближается по своим методам к работе с библейскими текстами – контаминирование, появление “контролируемой традиции” (когда благодаря множеству сверок образовывается некий более устойчивый “канонический” текст)»³⁰. Специалисты отмечают, что в своей работе летописцы максимально сохраняли предшествующие

тексты, которыми пользовались при составлении новых летописных сводов. Для того чтобы переработать, внести сознательные исправления в свой источник, летописец должен был иметь очень серьезные основания. «Ни произвольного искажения текста, ни фантастических добавлений и необоснованных утверждений летописцы, работавшие до XVI в., как правило, не допускали»³¹. Эти соображения крупнейшего специалиста по древнерусской литературе Д.С. Лихачева и современной исследовательницы Т. Вилкул достаточно емко характеризуют работу летописцев и дают дополнительные основания утверждать о невозможности существенной переработки летописных сообщений, касающихся первых веков русской истории.

Названные обстоятельства дают основания для существенной корректировки сообщения ПВЛ в интерпретации издателей о дани восточнославянских союзов племен. На это наталкивают разночтения в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, а также устойчивое упоминание в более поздних летописных сводах одной единицы взимаемой дани. В этом отношении показательно сообщение Никоновской летописи (в недатированной части): «О Варязехъ. Имаху дань Варязи, приходящее изъ заморіа, на Словенехъ, рекше на Новгородцехъ, и на Мещерехъ, и на Кривичехъ отъ мужа по беле и веверици. О Казарехъ. А Казари имаху дань на Полянехъ, и на Северянехъ, и на Вятичахъ по беле, рекше по векше, съ дыма»³². Можно заметить, что составителя Никоновской летописи – образованного человека XVI в. – не устраивала фраза из ранних летописей («по беле и веверици») и он дал ей объяснение, более понятное его современникам.

Кроме анализируемого сообщения о дани варягам и хазарам, в летописных сообщениях о предыстории и раннем этапе становления Древнерусского государства имеются иные указания на содержание и размер дани иноземцам. Дань мечами, о которой рассказывается в недатированной части ПВЛ³³, носит скорее легендарный характер или иносказательно передает какие-то конкретные отношения (по мнению Г.И. Магнера, готовность полян выставить по воину с мечом от каждой семьи)³⁴. Под 862 г. в ПВЛ сообщается о даннической зависимости полян, но о размере дани не говорится³⁵. Значительную ценность представляют весьма лаконичные сообщения ПВЛ под 883, 884 и 885 гг. В них подтверждается предшествующая информация о даннической зависимости от хазар северян, а также выясняется, что и радимичи платили дань хазарам. Князь Олег, подчинив Киеву «племена» древлян, северян и радимичей, проявил определенную политическую гибкость, обложив их, судя по всему, не сильно обременительной данью. Так, с радимичей Олег потребовал ту же дань, что те платили хазарам – «по щьягу» (с какой окладной едини-

цы – не указывается). С «племени» же древлян князь потребовал дань «по черне куна»³⁶.

Следует обратить особое внимание на летописное выражение «черна куна» (черная куница). Термин «куны» в Древней Руси являлся синонимом денег³⁷; показательно, что полную аналогию это находило в средневековой Хорватии³⁸. Как синоним денег куны неоднократно встречаются в памятниках древнерусской литературы: «...истью лице взятти, а прока ему желети, что с нимъ погибло, а оному своихъ кунъ желети»³⁹ (Русская Правда); «Пождете, даже вы куны сберуть, за месяц»⁴⁰ (ПВЛ); «А на Ярославлихъ любьвницехъ поимаша новгородци кунъ много и на городицанохъ»⁴¹ (НПЛ); «А куны имъ класти святого великого Ивана в домъ»⁴² (Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича); «...елико хочеть, еще же и кунами тому давъ, отпусти и»⁴³ (Житие Феодосия Печерского). Примеры можно многократно продолжить.

Но куны имели и конкретное значение денежно-весовой единицы. По предположению В.Л. Янина, в первой трети X в. денежно-весовая система Древней Руси основывалась на соотношении счетной гривны к 25 кунам, равным 20 ногатам. При этом куна равнялась арабскому дирхему, часть которого называлась веверицей (векшей)⁴⁴. Куны в качестве платежного средства в письменных памятниках Древней Руси часто упоминаются рядом с белками-веверицами-векшами. Так, в сообщении ПВЛ 1068 г. читаем: «Дворъ жь князь разграбиша, бецисленое множество злата и сребра, кунами и белью»⁴⁵.

В так называемый «безмонетный период» термин «куница» служил для обозначения куньего меха в роли платежного средства, имевшего определенную стоимость. Неоднократно в качестве платежного средства выступают куны в Русской Правде краткой и пространной редакции: «...а за корову 40 резань, а третьякъ 15 кунъ», «А въ голубе и в куряти 9 кунъ»⁴⁶, «Аже крадетъ кто скоть въ хлеме или клетъ, то же будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будетъ ли ихъ много, всемъ по 3 гривны и по 30 кунъ платити»⁴⁷.

В реальной судебно-процессуальной практике XII в. отмечается противопоставление старых (ветхих) и новых кун: «А оже мужа свяжють без вины, то 12 гривнъ за соромъ старыхъ кун... Оже пошибаетъ мужеску жену любо дчьрь, то князю 40 гривнъ ветхыми кунами, а жене или мужское дчери 40 гривнъ ветхими кунами»⁴⁸. Нередки и упоминания в источниках в качестве платежного средства и белок. Так в «Двинской уставной грамоте 1397» (конец XIV в.) штраф за нарушение границы земельных владений значится в белках: «...а межы сел межа – тридцать бел; а княжа межа – три сороки бел»⁴⁹.

Нет никаких сомнений в том, что денежная единица куна этимологически связывается с на-

званием пушного зверька. Появление же этого термина обусловлено практикой употребления куньих мехов в качестве платежного средства со времени еще до появления в Восточной Европе иноземной монеты⁵⁰ (а при отсутствии собственной чеканки и ввоза монет из-за границы – и в «безмонетный период»). Арабский географ Ибн Русте, написавший свой труд «Дорогие ценности» в начале X в., отмечал подобную ситуацию в Волжской Булгарии: «Главное их имущество – куницы. У них нет денег... дирхемы у них – куницы»⁵¹.

Почему же в летописном сообщении о дани древлян Олегу куны называются вместе с эпитетом «черные». Конечно, можно предположить, что речь идет об одном из видов куниц, отличающемся более темной окраской. Эту мысль как будто подтверждает обитание в Восточной Европе двух видов куниц – лесной (*Martes martes*, она же желтодушка) и каменной (*Martes foina*, белодушка). Мех лесной куницы более качественный и ценится выше, хотя и меньше, чем соболя. Шерсть лесной куницы окрашена в каштановый или темно-коричневый цвет, и она более темная, чем каменной куницы. Хотя ареалы обитания лесной и каменной куниц не совпадают, тем не менее восточным славянам могли быть известны наряду с первыми (они повсеместно были распространены в лесах Восточной Европы) и вторые. Однако отличие двух видов куниц в окраске несущественно и, главное, в источниках не отмечается различие «черных кун» и неких «светлых (белых?) кун».

В связи с этим представляется необходимым рассматривать встречающиеся в тексте ранних древнерусских летописей понятия «белая веверица» и «черная куна» (вероятно, они присутствовали и в Начальном своде 1090-х гг.) в комплексе, неразрывно друг от друга. Разумеется, черная куна таковой не является, как и беличий мех – не белый. Здесь мы сталкиваемся с одним из литературных, можно сказать, стилистических приемов летописца, возможно пользовавшегося при записи рассматриваемых сообщений какими-то устными преданиями, облеченными в повествовательно-поэтическую форму. Это предположение кажется более вероятным, чем совершенно искусственное построение сложной конструкции, включающей две единицы подымного обложения. При этом требует дополнительных объяснений понятие «бела», появившееся в связке с веверицами (в древнерусской литературе слова «бель», «бела» выступают как синонимы векши и веверицы).

Встречающееся в древнерусских письменных памятниках понятие «черная куна» недвусмысленно указывает на стремление автора текста указать на то, что в данном контексте речь идет именно о мехе. Приведем несколько примеров: «А у Торопчи урока 40 гривень и 15 лисиц и

10 черныхъ кунъ»⁵² (Смоленская уставная грамота); «Тогда же Ростиславъ позва Святослава к себе на обедъ... и бысть же радость в ть день межю има, и дарове мнози, да бо Ростиславъ Святославу соболми, и горностаими, и черными кунами, и песци и белыми волкы, и рыбьими зубы» (Ипатьевская летопись под 1160 г.); «Ехавъ же Коснятинъ поима на нихъ дань, черныя куны и бель сребро» (Ипатьевская летопись под 1257 г.); «Пошли, господине, к намъ жито свое продаять, а мы ради купимъ: чего восхочешь, воску ли, бели ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы рады дамы» (Ипатьевская летопись под 1279 г.)⁵³. В приведенных примерах эпитет «черный» последовательно служит для разделения бытовавших в то время значений понятия «куна» – меха куницы, самого зверька и денежно-весовой единицы. Кроме того, обращает на себя внимание наличие в одном предложении двух антонимичных эпитетов – «черный» и «белый» («черные куны» и «белые волки», «черные куны» и «белое серебро»). Представляется, что и в данном случае присутствует литературный прием средневекового книжника.

Между тем дань мехами подвластным населением Восточной Европы для периода IX–X вв. хорошо прослеживается по данным источников. Кроме уже цитированных сообщений русских летописей, можно отметить свидетельство авторитетного автора, непосредственного очевидца описываемых явлений – арабского путешественника Ибн Фадлана. В 922 г. он побывал в Волжской Булгарии, о правителе которой записал следующее: «На царе славян (лежит) дань, которую он платит царю хазар, от каждого дома в его государстве – шкуру соболя»⁵⁴. Это сообщение тем более ценно, что адресатом дани в конечном итоге являлся Хазарский каганат, наложивший дань на ряд восточнославянских союзов племен.

В уже цитированном сообщении Ипатьевской летописи 1257 г. рассказывается о взимании дани с племени ятвягов неким Константином, посланным князем Даниилом Галицким⁵⁵. Обращает на себя внимание размер взимаемой дани – «черная куна» и «белое серебро». При этом окладная единица не указана. В данном случае, безусловно, речь идет о дани пушниной и серебряными слитками. Напрашиваются аналогии этого сообщения с известием ПВЛ о взимании дани хазарами. Однако вряд ли сообщение Ипатьевской летописи 1257 г. может служить для подтверждения возможности обложения хазарами восточных славян двумя единицами дани – «белю» и «веверицами». В сообщении 1257 г., наиболее вероятно, речь идет не о двух единицах обложения, скорее летопись свидетельствует о возможности выплачивать дань определенного размера мехами или серебром (в серебряном или меховом эквиваленте).

Дань восточных славян мехами как явление вполне обыденное предстает в произведениях позднейших авторов, в том числе иностранных. Так, о взимании хазарами с некоторых восточнославянских «племен» дани «беличьими шкурками с каждого дома» писал Сигизмунд Герберштейн⁵⁶, имевший в своем распоряжении Ермолинскую летопись или сходную с ней⁵⁷.

Таким образом, анализ письменных источников дает весомые аргументы в пользу корректировки представленной в публикации ПВЛ фразы о выплате дани полянами, северянами и вятичами хазарам. В период до оформления Древнерусского государства ряд восточнославянских союзов племен находился в даннической зависимости от Хазарского каганата. Дань выплачивалась беличьим мехом либо иным материальным богатством, эквивалентным по стоимости. Это могло быть зерно, в котором нуждались кочевники⁵⁸, серебряные монеты⁵⁹ или что-то иное, имевшее ту же стоимость, что и мех одной белки. Нет необходимости искать в «белой веверице» иного пушного зверька, действительно белого по окрасу (горностаю)⁶⁰. Возможно, эпитет «белый», как и «черный», в приложении к меху животных – не более чем литературный прием.

¹ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 12.

² Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 434, 437.

³ Древнейший Киевский свод 1039 года в редакции 1073 года // Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 387.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 105.

⁵ См.: Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 31.

⁶ См.: Вилкул Т. Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. XI. 2003. С. 5–35.

⁷ См.: Каштанов С.М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 58.

⁸ См.: Петрухин В.Я., Раевский В.Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 290.

⁹ См.: Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 57.

¹⁰ См.: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 192.

¹¹ См.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 14.

¹² Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 373.

¹³ Там же. С. 374.

¹⁴ См.: Каштанов С.М. Указ. соч. С. 57–71.

¹⁵ Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. 19.

¹⁶ Каштанов С.М. Указ. соч. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Ипатьевская летопись // Полн. собр. рус. летописей. М., 2001. Т. 2. Стб. 14.

¹⁹ Лаврентьевская летопись // Полн. собр. рус. летописей. М., 2001. Т. 1. Стб. 19.

²⁰ Радзивилловская летопись // Полн. собр. рус. летописей. Л., 1989. Т. 38. С. 16.

²¹ Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 57.

- ²² Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 204. Прим. 89.
- ²³ Там же. С. 54.
- ²⁴ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 19.
- ²⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л., 1950. С. 10.
- ²⁶ См.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 12.
- ²⁷ Там же. С. 149.
- ²⁸ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 61–62.
- ²⁹ Там же. С. 66–67.
- ³⁰ Вилкул Т. Новгородская первая летопись и Начальный свод... С. 8.
- ³¹ Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001. С. 353.
- ³² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полн. собр. рус. летописей. М., 2000. Т. 9. С. 8.
- ³³ См.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 11–12.
- ³⁴ См.: Магнер Г. И. От дыма меч. Историческая основа легенды о полянской дани хазарам // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. к 60-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 189–195.
- ³⁵ См.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 13.
- ³⁶ Там же. С. 14.
- ³⁷ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1365; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. 4. С. 331.
- ³⁸ См.: Янин Л. В. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 46.
- ³⁹ Русская Правда (Пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4 (XII век). СПб., 2000. С. 502.
- ⁴⁰ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 37.
- ⁴¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 68.
- ⁴² Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславича церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 559.
- ⁴³ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1 (XI–XII вв.). СПб., 2000. С. 392.
- ⁴⁴ См.: Янин Л. В. Указ. соч. С. 144.
- ⁴⁵ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 74.
- ⁴⁶ Русская Правда (Краткая редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4 (XII век). СПб., 2000. С. 492, 494.
- ⁴⁷ Русская Правда (Пространная редакция)... С. 502.
- ⁴⁸ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 55.
- ⁴⁹ Жалованная уставная грамота в кн. Василия Дмитриевича Двинской земле // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1. С. 21.
- ⁵⁰ См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 157.
- ⁵¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 34.
- ⁵² Уставная грамота князя Ростислава 1150 г. // Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963. С. 79.
- ⁵³ См.: Ипатьевская летопись... Стб. 504, 835, 879.
- ⁵⁴ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. А. П. Ковалевского; Под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 78.
- ⁵⁵ См.: Ипатьевская летопись... Стб. 835. То же в реконструированной Галицко-Волынской летописи: Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр и др.; Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 131.
- ⁵⁶ См.: Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. 1. С. 43.
- ⁵⁷ Там же. Т. 2. С. 297.
- ⁵⁸ См.: Петрухин В. Я., Раевский В. Я. Указ. соч. С. 290.
- ⁵⁹ См.: Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 145.
- ⁶⁰ См.: Кузьмин А. Г. Термин «бела» древнерусских памятников // Средневековая Русь. М., 1976. С. 67–70.

Поступила в редакцию 27.01.11.

Степан Николаевич Темушев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.